

Ян Тао удивленно вскинул длинные брови:

— И ты даже не спросишь, что в донесении?

— Я лишь опальный чиновник, — негромко ответил Лин Шу. — Мне не пристало расспрашивать лишний раз.

Ян Тао недовольно нахмурился:

— Застава Тунгуань и переправа Фэнлин пали. У князя Чжао и впрямь нашлось несколько толковых людей. К тому же мой четвертый братец хитер как лис. Все эти годы я не ждал подвоха от князя Цэня, Цэнь Цзиня, ведь у него не было сыновей. Кто бы мог подумать, что князь Чжао зайдет так далеко... Поговаривают, он согласился дать одному из своих сыновей фамилию Цэнь. По сути — отдал в зятья! О чести императорского рода он и думать забыл, опозорил предков перед всей Поднебесной!

Гнев захлестнул императора, но Лин Шу по-прежнему сидел с бесстрастным лицом, что злило Ян Тао еще сильнее.

— Юаньмэй, — заговорил он резко. — Ты ведь с самого детства следовал за мной. Разве я хоть в чем-то тебя обделил? Обидел хоть словом, хоть делом?

— Никогда, — ответил Лин Шу.

— Так почему же теперь, когда бунтовщики терзают страну и под угрозой сама династия, ты, чиновник империи, остаешься столь безучастным? Разве это подобает преданному слуге?

Лин Шу слегка вздрогнул.

— Я... давал клятву Вашему Величеству никогда больше не покидать стен Верховного суда. Тогда Вы сами изволили заметить, что так будет лучше. Даже если бы я и хотел как-то отозваться на происходящее... что это изменит?

Слова Лин Шу костью застряли у Ян Тао в горле. В душе вскипела горькая досада:

"В обычные дни ты мои приказы и в грош не ставил, творил что хотел, а теперь вдруг уцепился за старое слово как за нерушимый закон! Не желаешь палец о палец ударить ради меня? Или все дело в Ян Е? Неужто вы и впрямь сошлись в позорной страсти?"

Одно поминание этого наглого мальчишки, Ян Е, доводило императора до бешенства. Взглянув на бледное, словно неживое лицо Лин Шу, Ян Тао потянулся к чашке, намереваясь разбить ее вдребезги, но с трудом подавил ярость. Сделав глоток остывшего чая, он долго молчал, прежде

чем глухо произнести:

— Ты вырос, Юаньмэй. И мои слова для тебя больше ничего не значат. Подумай над этим хорошенько.

Он тяжело поднялся и, неровно ступая, вышел прочь.

Лин Шу проводил его взглядом. В мыслях царило полное смятение:

"Что ты хочешь от меня? Разве я могу что-то изменить?"

Он медленно вышел во двор и остановился у пышного темно-зеленого куста хайтана. Мир вокруг бурлил и менялся, рушились царства, и лишь его собственная жизнь казалась застывшим болотом. День за днем коротать век в этих мрачных, дышащих смертью стенах Верховного суда — в полном одиночестве, всеми покинутым. Так было прежде, так будет и впредь. До самой старости. До самой смерти.

Он тихо вздохнул и прошептал одними губами:

— Так чего же ты от меня ждешь?..

На следующий день весть о падении заставы Тунгуань уже разнеслась среди придворных. Сановники шептались по углам, строя тревожные догадки, однако поднявшийся на трон Ян Тао не проронил о поражении ни слова. Наспех покончив с государственными делами, он объявил о завершении аудиенции. Едва покинув тронный зал, император созвал в свой Императорский кабинет — нескольких доверенных министров, главу военного ведомства и помощника министра Цзин Хуайюя.

Долгое время в кабинете стояла гнетущая тишина. Наконец Ян Тао заговорил:

— Генерал Вэй прислал донесение о падении Тунгуани. Он клянется приложить все силы, чтобы вернуть заставу и переправу Фэнлин. Разумеется, мелкая неудача на границе не стоит глубоких тревог, однако я не желал сеять смуту среди столичных жителей, а потому промолчал на общем собрании. Что скажете, господа? Есть ли у вас дельные предложения?

Министры хранили угрюмое молчание. Когда в прошлом году Ян Си поднял мятеж, войска генерала Вэй Мэндо и принца-консорта Цзинь Яжэня зажали его в тиски, заставив бежать без оглядки. Тогда всем при дворе казалось, что бунтовщиков вот-вот раздавят, стирая саму память о них. Никто не ожидал, что хитрый князь Чжао сумеет снискать покровительство могущественного князя Цэнь Цзиня. С обретением столь грозного союзника чаша весов качнулась в другую сторону, и теперь окрепший мятежник превратился в смертельную угрозу для трона.

Не дождавшись ответа, Ян Тао продолжил:

— Пусть фортуна временно отвернулась от нас, но генерал Вэй долгие месяцы проливает кровь на передовой и заслуживает поддержки. Я намерен отправить на фронт одного из высокопоставленных сановников, дабы тот ободрил воинов и раздал им императорские награды. Кто из вас готов взять на себя этот труд?

Цзин Хуайюй тут же шагнул вперед:

— Ваш покорный слуга готов разделить заботы Вашего Величества.

Ян Тао облегченно вздохнул:

— Раз уж помощник министра Цзин сам вызвался исполнить этот долг, да будет так. Ступай.

С тех пор как Ян Си взял заставу Тунгуань и переправу Фэнлин, празднование победы постоянно откладывалось из-за тяжелого недуга Бэйчэнь Цина. Лишь когда тот пошел на поправку, князь наконец созвал офицеров и советников на торжественный пир. Из Чанъаня по приказу старого князя Цэнь Цзиня доставили щедрые дары — золото и драгоценные шелка, предназначенные для отличившихся в бою воинов.

Шумное веселье затянулось далеко за полночь. В самый разгар пиршества в залу незаметно проскользнул Вэй Линьсянь, несший ночную стражу. Приблизившись к Ян Си, он склонился к его уху, прошептал несколько слов и передал небольшой предмет. Ян Си понимающе улыбнулся и легким движением спрятал вещицу в широкий рукав. Окинув взглядом захмелевших военачальников, он велел всем расходиться на покой, попросив остаться лишь Бэйчэнь Цина и Ян Е.

Заметив таинственный вид брата, Ян Е не выдержал первым:

— Ну же, не томи! Что там передал тебе Вэй Линьсянь?

Ян Си не спеша извлек из рукава искусно вырезанную фигурку рыбы из алого нефрита длиной около трех цуней. Работа была тончайшей, камень буквально светился изнутри. Повернув голову рыбы, он открыл ее и достал из полого тельца свернутую в трубочку записку.

— Вести от помощника министра Цзина, — с улыбкой сообщил Ян Си. — Он умудрился прибыть прямиком в лагерь Вэй Мэндо под предлогом инспекции. Возвращаться в Лоян он пока не намерен, так что обо всех передвижениях противника мы узнаем первыми. Сяо Лан, отныне связь с его доверенными людьми ложится на тебя. Будь предельно осторожен.

Ян Е славился ленью и любовью к праздности, но поручения брата обычно выполнял без лишних пререканий. Однако перспектива иметь дело с Цзин Хуайюем вызвала у него бурю

негодования.

— Да при одном упоминании этого типа у меня зубы сводит! — недовольно заворчал он. — Терпеть его не могу. Почему бы ему не держать связь напрямую с господином Жэнем? Они ведь учитель и ученик, вот и пусть воркуют на здоровье. Ну или пусть с Юньци общается! Я же видел, как этот Цзин на него пялится — взглядом пожирает, того и гляди кусок мяса откусит!

Ян Си строго нахмурился:

— Откуда столько детской неприязни? Насколько я знаю, Цзин Хуайюй не сделал тебе ничего дурного. К чему эти глупые капризы? Неужели ты забыл, о чем мы говорили на стене Тунгуани? Лишь океан, принимающий в себя все реки, способен стать безбрежным. Почему ты так упрямо не желаешь его принять? К тому же господин Жэнь особо предупредил меня: ему самому связываться с бывшим учеником никак нельзя. Случись хоть малейшая оплошность, и на него падет тень подозрения, от которой вовек не отмыться. Мы обязаны проявить понимание. Помощник министра Цзин согласился перейти на нашу сторону, но он человек изворотливый, хитрый и себе на уме. Кому, как не тебе, распутывать его интриги? Юньци слишком прямодушен, да и забот по военной части у него по горло, он просто не сдюжит. Дело тайное, чужих людей не приобщай. Если ты откажешься, на кого мне прикажешь опереться?

Ян Е в возмущении забарабанил кулаками по столу:

— Так, по-твоему, я, значит, коварный пройдоха? Нашел, тоже мне, достойного соперника для этого скользкого лиса Цзина! Да я чистейшей души человек, и лицо у меня честное...

Заметив, как прыснул со смеху Бэйчэнь Цин, Ян Е шутливо взревел, набросился на него и повалил на широкую кушетку. Бэйчэнь Цин со смехом отбивался, пытаясь урезонить разбушевавшегося парня:

— Перестань дурачиться! Лучше послушайся брата. Чем быстрее мы покончим с делами, тем скорее войдем в Лоян. Разве не об этом ты мечтал все это время? Кстати, как продвигается обучение тех шестисот человек, которых тебе поручили?

— Завтра утром сам все увидишь, — буркнул Ян Е, отпуская его.

На следующий день он впервые за долгое время встал ни свет ни заря и повел Бэйчэнь Цина на тренировочный плац у реки. На просторном пустыре под началом Вэй Линьсяня упражнялись в боевом искусстве те самые пять сотен новобранцев, объединенных с прежней личной гвардией Ян Е. Бэйчэнь Цин внимательно понаблюдал за их слаженными движениями, удовлетворенно кивнул и с улыбкой произнес:

— Отличные воины. Этой личной гвардии нужно дать достойное имя. Что-нибудь грозное, вроде «Императорских тигров» — Хубэнь, или «Парящих драконов» — Лунсян.

— Ты же знаешь, я книг не читал, красивых слов выбирать не умею, — отмахнулся Ян Е. — Но раз уж ты сам сказал, что эти ребята станут тем самым острием, что сокрушит Лоян, я назвал их просто и без затей: «Полоцзюнь» — Армия Разорения Лояна.

Бэйчэнь Цин лишился дара речи. Спустя мгновение он недоверчиво переспросил:

— «Поло»? Звучит почти как «полоху» — сброд оборванцев! Полно тебе, это же никуда не годится. Смени название, не позорься.

Ян Е лишь весело фыркнул:

— И не подумаю! Звучит хлётко, дерзко и бьет прямо в цель. Брат тоже сказал, что имя отличное и как нельзя лучше мне подходит. А твои «тигры» да «драконы» — тоска зеленая, слишком уж благообразно. Да и какая разница, как они зовутся? Главное, чтобы они первыми ворвались в Лоян и разнесли его к чертям!

Собрав достаточно припасов и провизии, Ян Си разделил силы на две колонны. Первую армию под командованием Юань Оумина он направил на восток от Тунгуани по древнему тракту Сяохань. Их целью была застава Ханьгу, где закрепились отступившие отряды под началом Бай Лина. Будучи человеком дальновидным и чутким, Ян Си намеренно избегал столкновения Юань Оумина с его бывшим командующим Вэй Мэндо, дабы не ставить генерала в неловкое положение и не сеять лишних сомнений в рядах воинов.

Вторую, основную армию Ян Си возглавил лично. Постепенно переправив войска через бурные воды Хуанхэ, он устремился к Цзиньчжуну. Князь планировал совершить обходной маневр через Линьфэнь и Шандан, а затем ударить на юг, прямо на беззащитный Лоян. Именно в этих землях преградил им путь Великий генерал Вэй Мэндо, стянувший туда огромные силы. Воздух звенел от напряжения — обе стороны замерли в шаге от сокрушительного столкновения.

Наступление развивалось стремительно. Спустя считанные дни передовые отряды мятежников подошли к окрестностям Линьфэня, где нос к носу столкнулись с частями Центральной императорской гвардии. Завязались ожесточенные стычки. Благодаря военному гению Бэйчэнь Цина, умело направлявшего удары, имперские силы раз за разом терпели поражения. Потеряв позиции, Вэй Мэндо был вынужден спешно отступать, отправляя в столицу отчаянные прошения о подкреплении.

Очередные тревожные донесения ложились на императорский стол одно за другим. Сердце Ян Тао сжималось от страха, но перед министрами он держался невозмутимо, маскируя тревогу царственным величием. Не выдержав гнетущего ожидания, через несколько дней он, словно бы ненароком прогуливаясь, вновь направился в сторону Верховного суда и переступил его порог.

Лин Шу, коротая унылые часы, читал старые, запыленные судебные свитки. Заметив, что в последние дни император зачастил к нему, он вздохнул, отложил бумаги и поднялся, чтобы выказать почтение. Ян Тао устало остановил его жестом:

— Оставьте церемонии. Присядь. На душе у меня так скверно и тяжело, сам не знаю отчего. Вот, проходя мимо, решил заглянуть к тебе.

Он опустился на стул, по обыкновению держась поодаль. Сопровождавшие его слуги молча разлили чай и бесшумно покинули комнату.

Лин Шу безмолвствовал, его лицо хранило бесстрастную бледность. Помолчав, Ян Тао горько усмехнулся:

— С годами ты стал совсем неразговорчив. И со мной ведешь себя точно так же, как с чужими. А ведь в детстве ты был послушным и ласковым малым. Хотя и рос молчаливым, но всегда отвечал мне с открытым сердцем. Когда я еще не взошел на престол, ты тенью следовал за мной повсюду. Стоило кому-то проявить ко мне хоть каплю непочтительности, ты тут же весь подтягивался, буравил наглеца сердитым взглядом, словно защищая меня... А теперь? Что случилось с нами теперь?..

— Ваше Величество, — ровно ответил Лин Шу. — Когда мне исполнилось двенадцать лет, Вы сами запретили мне приближаться к Вам. Моя судьба проклята звездами, мне нельзя сходить с людьми близко.

Ян Тао грустно прищурился, губ его коснулась мягкая, теплая улыбка:

— Пусть другие страшатся твоего рока, но мне он никогда не казался злом — иначе разве держал бы я тебя при себе столько лет? Теперь же, когда само государство стоит на краю гибели, пришло время явить силу твоего предначертания. Вопрос лишь в том, готов ли ты еще повиноваться моим повелениям?

— Что прикажет Ваше Величество?

Ян Тао тяжело вздохнул:

— Над князем Чжао, Ян Е и Бэйчэнь Цином сияет созвездие Шаполан — Убийство, Разрушение и Алчность. Помощник министра Цзин поведал мне, что лишь тебе под силу разрушить этот союз и сокрушить их силу. Если бы ты смог пролить их кровь, лишить мятежников головы, смута угасла бы сама собой. Думаю, ты и сам давно это понял, но упрямо притворяешься глупцом. Сколько еще мне умолять тебя, прежде чем ты разделишь со мной это бремя?

— Я готов отдать жизнь за Ваше Величество и никогда не изменю своей верности, — твердо произнес Лин Шу. — Но моя клятва...

— Не смей поминать свою клятву! — гневно перебил его Ян Тао. — Думаешь, я не вижу, что это лишь жалкая увертка? Когда ты вознамерился прикончить Цзинь Яжэня, клятва не помешала тебе схватиться за меч!

— В тот день гнев ослепил меня, — тихо возразил Лин Шу, опустив голову. — Я едва не совершил непоправимое, поправ собственное слово. С тех пор я горько раскаиваюсь в своей слабости и добровольно затворил себя в этих стенах.

Ян Тао в бессильной ярости указал на него дрожащим пальцем. Слова застряли у него в горле. Наконец, справившись с дыханием, он выдавил:

— Значит, ты отказываешься?

— Мое вмешательство ничего не изменит, — бесстрастно отозвался Лин Шу. — Начертания звезд туманны и изменчивы, а речам помощника министра Цзина едва ли стоит доверять безоглядно. Вашему Величеству разумнее положиться на доблесть генерала Вэя.

Ян Тао резко вскочил на ноги, задыхаясь от бешенства:

— Ты даже не желаешь попытаться! Откуда тебе знать, что это бесполезно? Или тебе просто жаль этого ублюдка Ян Е?! Сколько раз ты его видел — всего ничего, а уже сгораешь по нему в греховной страсти! Я столько лет оберегал тебя, а теперь, когда решается судьба престола, ты трусливо пятишься и не желаешь палец о палец ударить! Воистину, я пригрел змею на груди!

С этими словами он схватил стоявшую на столе драгоценную пиалу, с силой швырнул ее на каменный пол и яростно выбежал вон.

Эта изысканная чашка небесно-голубого цвета, изготовленная в императорских печах, подавалась исключительно Ян Тао во время его визитов в Верховный суд. В прошлый раз император сумел обуздать гнев, пощадив хрупкий фарфор, но сегодня чаше было суждено разлететься на тысячи осколков, завершив свой земной путь.

Лин Шу долго смотрел на поблескивающие осколки, не в силах вымолвить ни слова.

После этой ссоры Ян Тао больше не возвращался. Для Лин Шу наступили дни покоя и тишины, нарушаемые лишь отдаленными раскатами грозы, собиравшейся над империей. Пока на полях сражений лилась кровь, он уединенно созерцал, как вянут цветы и опадают листья под порывами осеннего ветра. Вести с фронта долетали до него лишь обрывками слухов. Поговаривали, что лавина войск Ян Си неудержимо катится вперед. Захватив переправу Фэнлин, мятежники хлынули на восток, сменяя оборону в Цзиньчжуне и Цзиньнани, и теперь сразу бунта несло дальше, к самым границам Хэбэя.

Но пожар войны, полыхавший к северу от Хуанхэ, почти не тревожил покой столицы — для ее жителей смерть и разрушение казались чем-то далеким, нереальным. Время шло своим чередом: звезды сменяли друг друга на небосводе, на смену отцветшим лотосам пришел сладкий, дурманящий аромат цветов гуйхуа, заполнивший столичные улочки.

Увидев присланные из дворца праздничные лунные пряники, Лин Шу удивленно спросил:

— Ужели Праздник середины осени настал?

— Да, господин, сегодня Чжунцю, — отозвался Дун Гэ.

Лин Шу медленно подошел к окну. В саду тихо шуршали ветви деревьев, отбрасывая причудливые тени под холодным сиянием полной луны, разлившейся по небу чистым серебром.

— И впрямь, Праздник середины осени... — негромко проговорил он. — Как летит время.

Внезапно тишину двора нарушил поспешный топот ног. Миновав защитную ширму-инби, по крытой галерее вихрем примчался запыхавшийся Дун Чунь. Едва добежав до дверей, он взволнованно выдохнул:

— Господин! Ваше Величество... Государь снова здесь!

На сей раз Ян Тао не шел сам — его, спотыкающегося и валящегося с ног, тащили под руки двое верных евнухов. Еще не успев миновать поворот галереи, император хрипло закричал:

— Юаньмэй! Юаньмэй, ты здесь?!

Лин Шу растерянно смотрел на его неверную, пошатывающуюся фигуру.

— Ваше Величество... Вы пьяны?

<http://bllate.org/book/19546/1998833>